

М.С. Миловидова, М.Н. Семшова

Самарский государственный университет

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВЫХ БАРЬЕРОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НЕМЕЦКИХ КОМПОЗИТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

M. Milovidova, M. Semschova

Staatliche Universität Samara

WEGE ZUR ÜBERWINDUNG DER SPRACHSYSTEMATISCHEN SCHRANKEN BEI DER ÜBERSETZUNG DER DEUTSCHEN KOMPOSITA INS RUSSISCHE

Im vorliegenden Artikel handelt es sich um Möglichkeiten und Besonderheiten der Übersetzung der deutschen Substantivkomposita aus dem Deutschen ins Russische und darum, wie weit diese Möglichkeiten bei der Translation von literarischen Texten reichen.

Перевод немецких композитов на русский язык представляет особый интерес для специалистов немецкого языка и, естественно, переводчиков. Система немецкого словосложения чрезвычайно многообразна и специфична. Она является, по определению Е.В. Розен, «столбовой дорогой» для пополнения словарного состава немецкого языка новыми единицами [1, с. 138]. Специфика немецких сложных слов состоит в том, что они могут выражать самые разнообразные логико-семантические отношения, передаваемые свободными словосочетаниями. Синтаксический характер сложных существительных проявляется, в частности, в простоте и легкости их образования в процессе

речи для выражения различных смысловых отношений. Именно в словосложении с особой четкостью проявляется тенденция к экономии языковых средств.

Из-за расхождений в интенсивности использования и характере словосложения в немецком и русском языках перевод такого разряда слов становится чрезвычайно интересным явлением в переводческой практике. Для достижения адекватности в переводе композитов приходится преодолевать «границу» принятых норм, учитывая при этом специфику сочетаемости слов в языке перевода.

В рамках данной статьи мы ограничимся анализом переводческих возможностей, имеющих место при передаче сложных существительных модели S+S (сущ.+сущ.) – наиболее распространенной группы композитов – с немецкого языка на русский. В какой мере это может быть реализовано в переводе на русский язык, мы рассмотрим на материале современной немецкой художественной прозы последних лет. Проблема перевода сложных существительных на материале художественных текстов связана и с индивидуальным использованием различными авторами композитов как одного из средств языковой выразительности для достижения определенного эстетического эффекта.

Мы рассмотрим немецкие композиты-существительные в зависимости от их непосредственных составляющих, точнее от первого или первых компонентов, и проследим, какими способами и приемами достигается адекватность перевода этих структур на русский язык.

Модель S+S может переводиться простым корневым или производным существительным: Dachdecker – кровельщик, Riesengeschrei – дебош, Zwangslage – тиски и т. д. Если характер смысловых отношений между непосредственными составляющими в словах *Dachdecker*, *Totengräber* понятен из семантики компонентов, то для достижения адекватного перевода таких слов, как *Zwangslage*, *Essensausgabe* необходим внешний контекст.

Einmal, in einer echten *Zwangslage*, hat Micha dann doch versucht Mariams Aufmerksamkeit auf sich zu lenken. Die „*Zwangslage*“ bestand darin, dass er zu einem Diskussionsbeitrag verdonnert worden war (ТБ, 124). Однажды, оказавшись совсем уж в *тисках*, Миха все-таки попытался привлечь внимание к своей скромной особе. В *тиски* же он угодил, когда ему «в порядке самовоспитания» поручили выступить на школьном отчетно-выборном собрании Союза свободной немецкой молодежи. (МР, 129).

<...> war ich allein in der Uni, durchquerte den großen Saal der Mensa <...> und suchte mir einen Platz <...> neben der *Essensausgabe* (IR, 86). <...> я была в университете одна, зашла в столовую и <...> стала искать себе место <...> рядом с *раздачей* (ЛЕ, 87).

Следует отметить, что выбор переводчиком разговорного варианта *тиски* помогает ему достаточно адекватно передать ситуацию, имеющую место в оригинале. Для перевода второго композита – *Essensausgabe* переводчиком также используется единственно возможный и наиболее приемлемый вариант *раздача*, а не «раздача еды» или «окошко, в котором отпускают еду в общественной столовой».

При выборе перевода немецких сложных слов специалисту приходится прибегать к самым различным трансформациям, в частности, к более обобщенному переводу, опуская при этом главный компонент композита, как в следующем примере.

Als sich Stalins und Trumans *Nasenspitzen* fast berührten, drängte sich der britische Premier zwischen die beiden (ТБ, 112). И вот, когда Сталин и Трумэн чуть ли не *носами* друг в дружку уперлись, британский премьер поспешил встать между ними (МП, 113). Использование более конкретного варианта *кончики носов* в данном контексте было бы неприемлемым для русского языка вообще.

Удачным на наш взгляд является выбор варианта перевода в приведенном ниже примере.

Wir waren alle zu dieser Hochzeit gegangen, noch in grauenhaften orange- und pinkfarbenen ausgestellten Hosen und Lammfellmänteln mit Stickerei, den indischen Wallekleidern, diesen *Zottelklamotten* der siebziger Jahre (ЕН, 42). Мы все пошли на эту свадьбу, наряженные все еще в те самые жуткие, выкрашенные в оранжевые и розовые цвета брюки и расшитые дубленки, в просторные индийские платья, во все это *барахло* семидесятых годов (ВП, 43).

Переводчик опирается при этом на семантизацию непосредственных составляющих, а именно: «Zottel» означает «пучок, клоч волос, шерсти», «Klamotten» – «тряпки, лохмотья, шмотки» [2].

Наиболее частотным способом перевода сложных слов модели S+S является словосочетание, а именно, **прилагательное+существительное**. При таком способе преобладает поэлементный перевод, т. е. калькирование: *Wasserschwall* – водный поток, *Todesurteil* – смертный приговор, *Rheinebene* – Рейнская равнина. При передаче композитов этой модели (вариант перевода прилагательное с существительным) могут иметь место такие переводческие трансформации как конкретизация и генерализация значения.

<...> Dann stiegen Anke doch die Tränen in die eigentlich lustigen braunen Augen. <...> Sie brauchte etwas Grünes, um es vom Bett aus zu sehen <...>. So sah also ihr *Strohthalm* aus (IR, 84). <...> Тут в обычно веселых глазах Анки заблестели слезы <...>. Ей так хочется по утрам из постели видеть немного зелени <...>. Вот как, оказывается, выглядела ее *спасительная соломинка* (ЛЕ, 85-87).

При переводе «*Strohthalm* – *спасительная соломинка*» переводчик опирается на немецкую фразеологическую единицу «nach dem rettenden Strohthalm greifen» и на ее эквивалент в русском языке «хвататься за соломинку». Для достижения адекватности транслита оригиналу переводчик, кроме того, опирается на сверхфразовый контекст. Вариант перевода «*спасительная*

соломинка» представляется нам в данном случае наиболее удачным, поскольку единичный компонент «соломинка», вырванный из фразеологической единицы «хвататься за соломинку» неупотребителен в русском языке. В описанном выше примере мы имеем дело с особым случаем переводческой конкретизации. Прием генерализации используется при передаче композита «Motorradbrille» в примере: Er trug immer eine *Motorradbrille* (ТВ, 124). На нем всегда были *здоровенные защитные очки* (МР, 127). Появление в трансляте нового слова *здоровенные* свидетельствует о попытке переводчика несколько конкретизировать обобщенный вариант перевода «Motorradbrille – защитные очки».

Особый интерес представляют случаи, когда переводчик, опираясь на экстралингвистические моменты, добивается не только адекватности перевода, но и особого эмоционального эффекта.

<...> die *Westautos*, die aus dem *Grenzübergang* gefahren kamen, stoppten (ТВ, 120). <...> *шикарные иномарки*, катившие от пограничного контроля пропускного пункта, резко тормозили (МП, 125). При передаче композита *Westautos* актуализируется сема *West-...* – «шикарный, престижный автомобиль»; *западная иномарка* как раз и означало для жителей Восточной Германии «шикарный автомобиль». Таким образом, появление в переводе слова *иномарки* связано непосредственно с семантизацией первого компонента сложного слова. При передаче сложного слова *Grenzübergang* – *пограничный контроль пропускного пункта* – используется словарное соответствие (с небольшим изменением: заменой одной части речи другой) «пограничный контрольно-пропускной пункт».

Модель S+S достаточно часто переводится как словосочетаниями *сущ.+сущ.*: *Hausgang* – подъезд дома, *Kellerflur* – проход подвала, *Rinnstein* – канавка стока, так и словосочетаниями, содержащими *предложные группы*: *Reisefieber* – волнение перед поездкой, *Wäschestück* – вещь из белья, *Geldtasche* – сумка с

деньгами, Rechtschreibung – ошибка в правописании, Stasileute – люди из штази. В последнем случае используется еще и прием транслитерации.

Несомненный интерес представляет передача этой модели транслятом, состоящим из трех компонентов, включающих предложную группу.

Ob sie nur ein *Machtspiel* hatte gewinnen wollen (V, 49). Была ли это только *игра в расстановку сил*, которую она хотела у меня выиграть, или что-то другое (Ч, гл.10). Включение дополнительного компонента в текст перевода объясняется тем, что переводчик в данном случае выбирает единственный приемлемый вариант перевода, учитывая специфику сочетаемости слов в русском языке.

Stammkneipe и *Stammtisch* переведены в нашем материале как *постоянная пивная* и *место постоянных встреч*. <...> und die Fußball-WM wurde in unserer *Stammkneipe* immer komplett übertragen <...> (ЕН, 39). <...> и чемпионат мира по футболу... всегда от начала до конца транслировался по телевизору в нашей *постоянной пивной* (ВП, 39-41). <...> Jupp, der ... inzwischen auch am *Stammtisch* eingetroffen war, bestätigte, das die Politesse ... über Handy die Funkstreife herbeigerufen hatte... (ЕН, 50). <...> Юпп ... тоже явившись меж тем на *место* наших *постоянных встреч*, подтвердил, что женщина полицейский связалась по мобильнику с радиопатрулем (ВП, 53). Перевод композита «*Stammkneipe – постоянная пивная*», на наш взгляд, очень хорошо отражает описываемую ситуацию; «*Stammkneipe – пивная с постоянным составом посетителей*» [2] как вариант перевода художественного текста абсолютно неприемлем. При переводе сложного существительного *Stammtisch – место постоянных встреч* (словарное соответствие: «стол для завсегдатаев» [2]) автор перевода, как и в предыдущем случае, опирается на контекст, используя при этом прием генерализации значения.

Относительно перевода немецких композитов модели S+S сложным словом, следует отметить, что лишь очень незначи-

тельное количество лексических единиц этой модели переведены на русский язык также сложным словом или словосочетанием, в составе которого присутствует сложное слово: *Filmstatisten* – киностатисты; *Westauto* – иномарка; *Kaufhof* – универмаг.

При переводе немецких композитов возможны варианты – сложное слово или простое: <...> also wir wissen natürlich, dass es total verboten ist, einen *Reisepaß*, den man findet, nicht abzugeben... (ТБ, 116-118). <...> конечно, ясное дело, мы знаем, что запрещено не сдавать в полицию чужой *загранпаспорт*, если вдруг нашел его на улице (МП, 119). Wenn einer von euch einen *Reisepaß* einer BRD-Bürgerin findet, ist der bei mir abzugeben (ТБ, 118). А если кто из вас найдет *паспорт* гражданки ФРГ, сдать его следует лично мне (МП, 121).

Интересным представляется и следующий случай: Wessen *Tonträger?* fragte der ABV (ТБ, 120). – Чей *звуконоситель?* – поинтересовался он (уполномоченный)... (МП, 123). Поэлементный перевод композита *Tonträger* здесь вполне оправдан, несмотря на то, что обычно в этой ситуации используется вариант «кассета»; участковый произнес это слово с видом знатока, «мобилизовав все свои познания по части профессиональной терминологии» (МП, 123).

Вполне правомерным, на наш взгляд, является выбор перевода в примере:

Er hat den *Benzinverschluss* meines Wagens abgewischt (IS, 28). Он вытер *заслонку бензобака* в моём автомобиле (АБ, 29). При переводе немецкого *Benzinverschluss* в русском языке используется словосочетание; сложное слово находящееся в составе этого словосочетания, соответствует первому компоненту немецкого композита «Benzin-...», второй компонент немецкого композита передается отдельным словом.

Некоторые немецкие сложные существительные переведены таким образом, что их нельзя отнести ни к одной из вышеперечисленных групп, т. к. они являются единичными и очень необычными.

<...> Mariam verhalte sich wie jedes normal deformierte *Scheidungskind* <...> (ТВ, 122). Мариам ведет себя как всякий нормальный *ребенок, травмированный разводом* (МР, 127). Адекватности перевода удастся достигнуть путем использования причастного оборота, включающего перевод контактного слова *deformierte* – *травмированный*. Кроме того, мы имеем дело с перераспределением содержания композита на элементы контекста.

В заключении нам хотелось бы остановиться на **многокомпонентных** сложных словах, где все составляющие являются **существительными**.

„Zunächst natürlich ins *Notaufnahmелager*“, sagte Robert (IR, 88). «Сначала, естественно, *лагерь для политических беженцев*», – ответил Роберт (ЛЕ, 91).

Трёхкомпонентное существительное могло быть переведено как «лагерь, который принимает по необходимости». Автор перевода передал данный немецкий композит описательно, используя свои фоновые знания, поскольку в оригинале отсутствует словосочетание «политические беженцы». И такая трансформация представляется вполне целесообразной.

Проведенный нами структурно-семантический анализ сложных слов и возможностей перевода их на русский язык выявил определенные закономерности передачи этих лексических единиц на язык перевода. Тип сложного существительного с общей семантикой «**предмет (лицо) и его признак**», мотивированного атрибутивным (часто генитивным) словосочетанием, представлен в немецком языке практически открытым классом слов. Ограниченность этой модели в русском языке определяет переводческие возможности передачи таких лексических единиц на русский язык: атрибутивные или субстантивные словосочетания атрибутивного характера (прилагательное + существительное или сущ. + сущ.; не исключены и предложные группы).

Перевод немецких композитов сложными существительными – явление достаточно редкое в переводческой практике. Это подтверждают и результаты нашего исследования.

В качестве эквивалентов существительных-композигов могут использоваться корневые и производные слова. Переводчики часто опираются при этом на семантизацию непосредственных составляющих.

Поиски оригинального решения при достижении адекватности в передаче этого разряда слов приводят переводчиков к использованию разнообразных переводческих трансформаций – генерализации, конкретизации, перераспределения содержания на элементы контекста и комбинации различных переводческих приемов.

Мы смогли убедиться в том, что переводчикам удастся, учитывая экстралингвистические факторы и опираясь на контекст, расширять границы переводческих возможностей и находить единственно приемлемые в русском языке переводческие варианты с учетом сочетаемости слов в языке перевода.

Библиографический список

1. Розен Е.В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Изд-во «Менеджер», 2000.
2. Большой немецко-русский словарь в 2х т. / под ред. О.И. Москальской. М., 1969.

Список источников фактического материала и принятых сокращений

1. Zebrastreifen. Neue deutsche Literatur. Goethe-Institut Moskau, 2004.
2. Зебра: Новая немецкая литература. / сост. Г. Хазенкамп (на немецком и русском языке). М.: Немецкий культурный центр им. Гёте, 2004.
3. Schulze Ingo „33 Augenblicke des Glücks“ // Zebrastreifen. – IS.
4. Инго Шульце «33 мгновенья счастья» / пер. А. Березиной // Зебра: – АБ.
5. Heidenreich Elke „Der Tag, als Boris Becker ging“ // Zebrastreifen. – EN.
6. Эльке Хайденрайх «День, когда ушёл Борис Беккер» / пер. В. Позняк // Зебра. – ВП.

7. Ruttmann Irene „Das Ultimatum“ // Zebrastreifen. – **IR.**
8. Ирене Рутман «Ультиматум» / пер. Л. Есаковой // Зебра – **ЛЕ.**
9. Brussig Thomas „Am kürzesten Ende der Sonnenallee“ // Zebrastreifen.
– **ТВ.**
10. Томас Бруссиг «На нашем кончике Солнечной аллеи» / пер. М. Рудницкого // Зебра. – **МР.**
11. Schlink Bernhard. Der Vorleser. Diogenes Verlag AG Zürich, 1995. – **V.**
12. Шлинк Бернхард. Чтец. / пер. А.Тарасова. URL: <http://lib.spnet.ru/koi.pl/INPROZ/SHLINK/vorleser.txt> – 21.06. 2009. – **Ч.**